

Ревуцкая Елена Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры белорусского языка и
литературы
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Alena Revutskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alena.revutskaya@tut.by

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА
(на примере концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях»
Давида Самойлова)

DEFINING THE ORIGIN OF THE POETIC CONCEPT
(a Case Study of David Samoylov's *Two Poems*)

Цель статьи – показать, на примере концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях» Давида Самойлова, что поэтический концепт формируют как языковые, так и внеязыковые основания. Аргументация базируется на положениях концептологии (С. А. Аскольдов), когнитивной поэтики (И. А. Тарасова), теории художественного дискурса (Н. П. Антипьев). Сочетание лингвистических методов (среди них – компонентный анализ, лексико-семантический анализ, универсальная процедура идентификации образных словоупотреблений, метод концептуального пересечения) с элементами биографического анализа обусловлено междисциплинарной природой поэтического концепта и позволяет заключить, что его познавательный потенциал формируют мировосприятие и жизненные обстоятельства поэта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *поэтический концепт; языковая поэтическая форма; биографический анализ; Давид Самойлов; концепт «Таллин».*

The article investigates both linguistic and extra-linguistic premises of the poetic concept studying the case of the concept of *Tallinn* in David Samoylov's *Two Poems*. The study draws on theoretical theses of conceptology (S. A. Askoldov), cognitive poetics (I. A. Tarasova), and literary discourse studies (N. P. Antipiev). Combining the linguistic (lexical and semantic analysis, component analysis, metaphor identification procedure, and conceptual blending method) and biographical analysis the article highlights the interdisciplinary nature of the poetic concept. The article shows that the author's perception of life and life circumstances determine the cognitive potential of the poetic concept.

K e y w o r d s: *poetic concept; linguistic poetic form; biographical analysis; David Samoylov; concept of Tallinn.*

Поэзия представляет собой особый способ осмысления опыта, образующий и преобразующий наши представления о мире. Познавательные свойства поэтического слова не подвергаются сегодня сомнению и исследуются в рамках когнитивной поэтики (П. Стокуэлл, М. Фримен, И. А. Тарасова, Л. В. Миллер) – актуального направления когнитивных исследований языка.

Вместе с тем, если методология изучения лингвокультурных концептов подробно разработана в русскоязычной когнитивной лингвистике (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. А. Маслова), то вопрос о методах исследования *поэтического концепта* все еще ждет своего решения. Это объясняется, прежде всего, междисциплинарным характером данного научного понятия, в меньшей степени – известной двуправленностью его трактовки. Так, когнитивная поэтика (И. А. Тарасова), коммуникативная стилистика (Н. С. Болотнова) и когнитивная лексикология (О. В. Беспалова) следуют психолингвистической традиции (А. А. Залевская), определяя поэтический концепт как индивидуально-авторский ментальный конструкт. В то же время такой трактовке не противоречит иная точка зрения, рассматривающая поэтический концепт как результат универсального поэтического опыта, отраженного в культурной памяти (Л. В. Миллер).

Таким образом, поэтический концепт может изучаться как авторский конструкт (И. А. Тарасова), единовременно принадлежащий национальному языку и национальной культуре (Л. В. Миллер). Соединяя слово не столько с его значениями, сколько с бесконечным числом потенциальных смыслов (Д. С. Лихачев), поэтический концепт не только отражает специфику творческой когниции, но и раскрывает познавательные возможности слова в языке и культуре.

По справедливому замечанию И. А. Тарасовой, поэтический концепт как единица авторского сознания лежит на пересечении интересов лингвистики и литературоведения, где традиционно описывается термином «художественный образ» [1, с. 743]. Если же обратиться к истории лингвистического обоснования поэтического концепта, то еще в 20-е годы прошлого столетия русский гносеолог С. А. Аскольдов описал поэтический концепт как концепт особого рода, отличный как от образа, так и от отвлеченного понятия [2, с. 325]. Так, изучение природы поэтического концепта требует пристального внимания к понятию *языковой поэтической формы* слова – особой связи звучания и смысла, в которой «звуковые свойства слова» занимают главное место [3, с. 42], отодвигая на второй план собственно языковую образность, характерную и для иных типов дискурса.

Цель настоящей статьи – представить языковые и внеязыковые основания концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях» (1965) Давида Самойлова. Целостный характер поэтического концепта предписывает учет всех контекстов, в которых употреблено его имя, а не только контекстов, где оно выступает, например, как слово-мишень концептуального переноса. В ходе изложения сохранена авторская графика наименования эстонской столицы (*Таллин*): свое сегодняшнее написание (*Таллинн*) название города получило после ухода Самойлова из жизни.

Художественное слово организует «высоко символизированную действительность», представленную ассоциативностью особого рода [4, с. 25]. В отличие от дискурса – отражения социума, художественное произведение организовано «по образу и подобию человека» и оттого неподвластно

человеческому разуму [5, с. 5]. Именно поэтому лингвистический анализ не исчерпывает познавательной глубины поэтического концепта, требуя обращения к методам смежных дисциплин, в частности, к биографическому анализу, применяемому в литературоведении. Отметим, что использование филологических методов в ходе языковедческого анализа соплагается с положениями теории культурных трансферов (А. В. Суперанская, В. А. Маслова, В. И. Постовалова, В. З. Демьянков, В. В. Фещенко), обеспечивающей обмен данными, понятиями и терминами между смежными направлениями в гуманитарном знании.

Вместе с тем понимание художественного произведения под силу каждому – при условии постижения «эвристического языка художественного образа» [6, с. 119]. В отличие от концепта обыденного сознания, во многом предсказуемого по своему содержанию, поэтический концепт предопределен «звуковыми свойствами» (рифмой, ассонансами, аллитерациями), но также бесконечными «ассоциативными возможностями поэтического слова» [3, с. 42]. Языковое представление концепта в поэтическом дискурсе отличается от вербализации концепта, порожденного обыденным сознанием [7, с. 4]. Более того, поэтическое миропонимание не делает различия между образным и логическим путями познания. Наконец, обыденное осмысление мира в целом понятийно, поэтическое осмысление – преимущественно образно.

Так, например, в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка [8] концепт «Таллин» представлен высказываниями, отражающими логическое осмысление города.

(1) [Владимир Ткач, актер]:

*Холодно. Наше **судно** «Америка» направляется в Таллин.*

*На **море** сильный шторм с дождём и снегом.*

(Обитаемый остров Гогланд. Д/ф из цикла «Письма из провинции», ТК «Культура», 2008).

(2) [Респондент, пенсионер]:

*Если какие **путевки** есть/ там в Ригу/ там в Таллин/ мы везде были.*

(Биография: беседа лингвиста с информантом, 1998).

(3) [Юра (Андрей Миронов)]:

*Поеду в Таллин/ поступлю на **завод** «Вольта»/ к Густаву в подмастерья.*

(Александр Зархи, Владимир Семаков, Василий Аксенов, Михаил Анчаров. Мой младший брат, к/ф, 1962).

Так, в приведенных примерах концепт «Таллин» включает когнитивные признаки 'морской порт' (1), 'туристическое направление' (2), 'промышленный город' (3). В свою очередь, далее будет показано, что в «Двух стихотворениях» пространство Таллина осмысляется поэтом не логически, но сквозь призму индивидуальных смыслов, вписанных вместе с тем в национальную картину мира русского человека.

Эстонское пространство в поэзии Самойлова, разработанное литературоведами [9; 10], но не затронутое лингвистами, носит автобиографический характер и предваряет состоявшийся в 1976 году переезд поэта из

Москвы в курортный Пярну. В «Памятных записках», собранных из дневников и очерков поэта, Самойлов описывает эстонское пространство как особое место, «со своим пейзажем, архитектурой, историей, культурой, характером, стилем жизни» [11, с. 424]. В декабре 1964 года Самойлов приезжает в предновогодний Таллин с будущей супругой Галиной Медведевой. Свое путешествие по «сказочной» Эстонии поэт продолжает со старшим сыном Александром и друзьями – поэтом Яном Кроссом и его женой – поэтессой и переводчицей поэзии Эллен Нийт. Специалист по поэтике Самойлова Андрей Немзер указывает на «засекреченность» двухчастного цикла [12, с. 53] и противопоставление «праздничного» Таллина «будничной» Москве [9, с. 163]. Так, в «Поденных записях» можно найти строки, написанные поэтом в первые дни наступившего 1965 года и передающие ощущение душевного тепла и гостеприимства: *Приехали с Сашкой и Томасом (сыном Эллен Нийт) в Отепя, местность километрах в тридцати от Тарту. Чудесный маленький отель над замерзшим озером. Снежно. Тихо. Малолюдно... В уютном ресторанчике играет оркестр* [13, с. 7–8]. В обществе Кроссов «волшебный» Таллин становится поэтическим пространством не только в переносном, но и почти в буквальном смысле слова. Так, в «Памятных записках» Самойлов рассказывает о своем знакомстве с городом как о счастливом проникновении в мир творчества, не знающего географических пределов: *Поэт, приехавший в город, где живет хотя бы один поэт, не чувствует себя чужим* [11, с. 425].

«Два стихотворения» посвящены Галине Медведевой – возлюбленной и будущей жене, и *тайна* встречи с ней определяет ведущий смысловой вектор исследуемого концепта: *Таллин – **тайное** обиталище, / Год сегодняшний, год вчерашний. / Снег летящий, медленно тающий / Над деревьями и над башней* [14, с. 488]. Начальная строка первого стихотворения повторяется в зачине третьей строфы, настаивая на *тайне* свидания: *Таллин – **тайное** обиталище, / Год минувший и год прошедший. / Поезд, медленно подъезжающий, / Поезд, медленно отошедший* [14, с. 488]. Корреляция звучания и семантики (*Таллин – тайна*) – языковая поэтическая форма имени концепта – выступает лингвистическим показателем смыслового пространства тайны.

Временный, краткий характер единения с возлюбленной подчеркивает на лексико-семантическом и морфологическом уровнях зачин второй строфы: *Таллин – **временное** прибежище, / Молчаливый и стерегущий. / День, за окнами тихо брезжащий, / День прошедший и день грядущий* [14, с. 488]. «Молчаливый и стерегущий» город «охраняет» тайну встречи, «замедляя» течение дня («день, за окнами тихо брезжащий»). Свидание с возлюбленной, неизбежно недолгое, «останавливает» время. На это указывают как настойчивое повторение лексемы *медленно* (лексико-семантический уровень), так и само категориальное значение имени (*обиталище, прибежище*) – значение сущности, устойчивости, постоянства (морфологический уровень).

Воплощая краткость долгожданной встречи, зимний Таллин оказывается единственным местом, где эта встреча возможна: *Таллин – временное*

прибежище, / Сонный снег, смежающий веки... / Вопрошающий: где же? Где ж еще? / Неужели – совсем? Навеки? [14, с. 488]. Стремление продлить по определению краткое единение с любимой отражено в стиховедческом (чередование рифм) анализе А. Немзера, обосновывающего мотив «остановленного времени» [9, с. 164]. Но и сама возможность любви ограничивается временем, проведенным в Таллине: предвосхищение рождественского чуда соплагается в поэтическом сознании Самойлова со скорым исполнением самого сокровенного желания сердца. В городе, замершем в ожидании волшебства, поэт слышит не то стук колес замедляющего ход поезда, не то биение собственного сердца: *Сердечным разбуженный стуком, / О Боже, твержу я, о Боже!* [14, с. 488]. «Волшебный» Таллин – место единения, но также расставания. Неизбежность прощания тождественна запаху сгорающего топлива – запаху еще недавно «медленно подъезжающего», но уже «медленно отошедшего» поезда: *В том городе – только **прощанье** / И запах горючего сланца. / Счастливы мы или печальны? / Как знать? И откуда дознаться?* [14, с. 489].

Тайна и расставание являются, таким образом, двумя ведущими смысловыми векторами, формирующими содержание концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях». Третьим смысловым направлением выступает самопознание, возможное благодаря уподоблению городского пейзажа собственному внутреннему устройству: *Похожи – стремленьем к разлукам, / Бессильем и силой **похожи**; Как странно и как совершенно / С тобой **мы** созданы **оба**. / Прошедшее наше – блаженно, / Блаженно, а может – убого?* [14, с. 489]. Поэт приемлет расставание как неизбежность («стремление к разлукам»), подобную наступлению нового года («год минувший и год пришедший»), приходу нового дня («день прошедший и день грядущий»).

Метафора, выявляемая на лингвистическом уровне анализа в рамках универсальной процедуры идентификации образных словоупотреблений, представлена контрастом контекстуального значения с базовым (парк, *нарисованный* на снегу). Уподобление – на этот раз живописного облика заснеженного города с художественным творчеством – выступает способом самопознания: *В том парке, что черным на белом – / Углем на снегу **нарисован**, / А может – на грифеле мелом, / На белой бумаге – свинцовым* [14, с. 489]. «Рукотворное изображение» города становится частью внутреннего мира поэта и одновременно включается в поэтический концепт «Таллин»: *В том парке, который впечатан / В меня узловатым **офортом** / В том городе узком, стрельчатом / и оловом серым натертом* [14, с. 489]. Зимний парк подобен офорту, который, в свою очередь, близок по своей черно-белой эстетике старому фотоснимку – символу хранящегося воспоминания.

Обозначенная траектория анализа никоим образом не предполагает, что индивидуальный характер поэтических смыслов равен их исключительности, уникальности. Напротив, целый ряд ассоциаций поэта образован культурными отсылками, общими для большинства носителей русской языковой

картины мира: *Снег летящий, медленно тающий / над деревьями и над башней; В том городе узком, стрельчатом / и оловом серым натертом* [14, с. 488–489]. Как показывает выборка из Национального корпуса русского языка [8], эти отсылки сопоставимы с референциями, присущими русской языковой картине мира:

- (4) *Таллин почудился нам страничками из старых сказок братьев Гримм.* (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания, 2009).
- (5) *В последний приезд в Таллин летом 2002 года мне повезло: при реконструкции дома XIX века вблизи Домского собора на Вышгороде вскрыли остатки каменных строений XIII века.* (Андрей Никонов. Прикоснуться к началам // «Знание – сила», 2005).
- (6) *Разве чопорный, старомодный Таллин не был тогда нашим молчаливым спутником?* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2000–2002).
- (7) *Вот он вырулил на взлётную полосу, заревели турбины, и под покачивающимися крыльями поплыл Таллин, промелькнули башенки, красные черепички Средневековья* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2000–2002).
- (8) *Прощай, Таллин, промелькнут годы, и где-то там, на уютных твоих брусчатках, сохранятся следы наших шагов, отзвуки нашей молодости* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2000–2002).

Таким образом, метод концептуального пересечения, раскрывающий интегральный смысл исследуемого концепта, апеллирует к поэтической языковой форме имени концепта – лингвистическому основанию его изучения. Формирование интегрального смысла поэтического концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях» Самойлова предопределено образующим ассоциативную связь звучанием слов (*Таллин – тайна*), но также аналогией между пространством города и внутренним миром поэта.

Помимо приемов лексико-семантического и компонентного анализа, метод концептуального пересечения предполагает процедуру идентификации образных словоупотреблений (*В том городе узком, стрельчатом / и оловом серым натертом; В том парке, что черным на белом – / Углем на снегу нарисован*), требуя, вместе с тем, параллельного обращения к инструментарию биографического анализа. Применение комплексной междисциплинарной методики позволяет описать Таллин как концепт, погруженный одновременно в историю города и историю жизни поэта. Исходные смысловые пространства тайны, расставания, самопознания представлены в «Двух стихотворениях» концептуальными аналогиями, имеющими автобиографическую природу. Взаимосвязь между тремя исходными пространствами образует концепт «Таллин» – итог поэтического осмысления города как места тайной, недолгой, но вместе с тем неподвластной времени радости любви.

Индивидуальность поэтического смысла заключается, таким образом, отнюдь не в невозможности его восприятия (в противном случае поэзия не поддавалась бы ни чтению, ни толкованию), но в его непредсказуемости и нетривиальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасова, И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения / И. А. Тарасова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Лингвистика. – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.
2. Аскольдов С. А. Форма и содержание в искусстве слова / С. А. Аскольдов // Литературная мысль. – 1925. – Вып. 3. – С. 305–341.
3. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь ; под ред. Л. В. Щербы. – Л. : Academia, 1928. – С. 28–44.
4. Воронцова, Т. На разных языках / Т. Воронцова // Искусство. – 2014. – № 5–6. – С. 22–25.
5. Антипов, Н. П. Эстетика и поэтика предпереводческого анализа / Н. П. Антипов // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология. – 2008. – № 4. – С. 5–17.
6. Антипов, Н. П. Художественная коммуникация: иносказание / Н. П. Антипов // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология. – 2012. – № 1. – С. 119–128.
7. Тарасова, И. А. Концептуализация в поэтическом языке / И. А. Тарасова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18. – Вып. 1. – С. 4–8.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 30.08.2022. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
9. Немзер, А. Две Эстонии Давида Самойлова / А. Немзер // Universitas Tartuensis. Humaniora. Litterae Russicae. Блоковский сборник. – Тарту, 2010. – Вып. XVIII: Россия и Эстония в XX веке: диалог культур. – С. 162–184.
10. Сташенко, Т. Пярнуский пейзаж в книге стихов Д. Самойлова «Улица Тооминга» / Т. Сташенко // Русская филология : сб. науч. работ молодых филологов ; под ред. Т. Гузаирова и Е. Вельман-Омелиной. – Тарту, 2013. – С. 257–266.
11. Самойлов, Д. С. Памятные записки / Д. С. Самойлов. – М. : Время, 2014. – 704 с.
12. Немзер, А. Лирика Давида Самойлова / А. Немзер // Стихотворения / Д. Самойлов ; сост., подг. текста В. И. Тумаркина ; примеч. В. И. Тумаркина и А. С. Немзера. – СПб. : Академ. проект, 2006. – С. 5–53.
13. Самойлов, Д. С. Поденные записи : в 2 т. / Д. С. Самойлов. – М. : Время, 2002. – Т. 2. – 384 с.
14. Самойлов, Д. Стихотворения / Д. Самойлов ; вступ. ст. А. С. Немзера ; сост., подг. текста В. И. Тумаркина ; примеч. В. И. Тумаркина и А. С. Немзера. – СПб. : Академ. проект, 2006. – 800 с.

Поступила в редакцию 15.09.2022